

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Происхождение зверя.....	13
Что скрывается за историями	13
Создание и развенчание мифа	16
Что есть человек и за кем последнее слово?	21
Неразрывность.....	25

ЧАСТЬ I. НАУКА И РЕЛИГИЯ ДО ЭПОХИ НАУКИ И РЕЛИГИИ

Глава 1. Природа натурфилософии:	
наука и религия в Древнем мире	31
«Трепещущее тело было брошено в огонь»:	
реконструкция убийства.....	31
«Все сущее полно божественных сил»:	
scientia et religio	35
«В любознательности нам нет нужды после	
Иисуса Христа»: неоднозначные отношения	39
«Пусть никто не спрашивает...»:	
возрождение из руин	43
Глава 2. Обманчивый блеск: наука и ислам.....	53
«В исламских странах больше не осталось науки,	
достойной упоминания»: аргументы против	
исламской науки	53
«О, философ... Что есть благо?»: золотые годы	56
«Не как захватчик... а скорее как званный гость»:	
аргумент в пользу исламской науки.....	61
«Физические науки не имеют для нас важности»:	
точки напряжения.....	67

Глава 3. Неоднозначность и аргументативность:	
наука и иудаизм	77
«Природа подчиняется ему»:	
наука в раннем иудаизме.	77
«Наши боги столь же многочисленны,	
как наши города»: разнообразие верований	80
«Аптекари, повара и пекари»: Маймонид и служанка.	87
«...неизбежно приводит философов	
к отвержению Торы»: реакция.	92
Глава 4. Наука в христианском мире.	97
«Прискорбно упущенная возможность»:	
так называемые Средние века	97
«Пусть лишь разум станет между нами судьей»:	
средневековые «физики»	102
«Что есть авторитет, как не узда?»:	
явление Аристотеля	108
«Теология ничем не способствует	
умножению знания»: дебаты в Париже.	112
«По воле воображения»:	
рождение мыслительного эксперимента	120
Глава 5. 1543 год и все такое	125
«Примечательная история науки и религии»:	
не вполне революция	125
«Теологи легко успокоятся»:	
революция отменяется	128
«Неуничтожимое Солнце подлежит уничтожению»:	
Виттенбергская интерпретация	138
«Мученик за магию»: смерть Бруно	146

ЧАСТЬ II. БЫТИЕ

Глава 6. Галилео Галилей	155
«В тюрьме инквизиции»: встреча с Галилеем.	155
«Верь, Галилей, и иди дальше»:	
ориентация в новом мире.	157

«Что вы стоите и смотрите на небо?»:	
восходящая звезда	165
«...не тому, как перемещаются небеса, а тому, как	
нам туда переместиться»: публичное высказывание ...	172
«Кто будет разрешать наши споры, если Аристотель	
будет низложен?»: новое течение	179
«Я поддался естественному влечению, свойственному	
всякому, кто осознает свою неординарность»:	
финал.	187
Глава 7. Многократное рождение науки	193
«Экспериментирующие христиане»:	
«протестантская» наука.	193
«Столь же благочестивый, сколь	
и наблюдательный»: «католическая» наука	204
«Не вмешиваться в богословие»: «светская» наука ...	215
Глава 8. Опасности идеальной гармонии	225
«Изящнейшее соединение»:	
религиозное Просвещение.	225
«О дивных тайнах природы»: физикотеология	230
«Часть наших занятий на небесах»:	
наука в английском раю	238
«Слишком много, чтобы отрицать,	
и слишком мало, чтобы быть уверенным»:	
под покровом гармонии	250
Глава 9. Механизация души	261
«Механизм человеческого мышления»:	
машинное обучение	261
«Заставить теологов проглотить яд»:	
жестокое обращение с животными	267
«Не будем считать ограниченными	
средства природы»: сила полипа.	275
«Чудовище, рожденное от союза человека	
и самки павиана»: размытые границы.	280
«Противники полагают, что покончили	
с его идеями»: перемена курса	290

ЧАСТЬ III. ИСХОД

Глава 10. О времени	299
«В бездну времени»: придаем правдоподобие	
Книге Бытия	299
«Бесплодная Голгофа»: черепная коробка	312
«Постепенное и медленное улучшение	
человеческой природы»: новое будущее.....	323
Глава 11. Баланс	337
«В любом случае это лучше, чем собака»:	
жениться. Не жениться	337
«Равносильно признанию в убийстве»:	
между Эразмом и Пейли	345
«Неизмеримая потеря»: величие и горе.....	354
«Я точу свои когти»: на Оксфорд.....	362
Глава 12. Глобализация	377
«Просвещать темный разум»: наука и миссионеры....	377
«Злонамеренность и вырождение Европы»:	
западная наука	389
«Наша раса и так достаточно угнетена»:	
наука о человеке.....	399
Глава 13. Мир и война	413
«Учение о неживой материи»: мир	413
«Неотвратимость судьбы»: война	430

ЧАСТЬ IV. ПРОДОЛЖЕНИЕ НЕРАЗРЫВНОЙ ИСТОРИИ НАУКИ И РЕЛИГИИ

Глава 14. Процесс века.....	451
«Они воистину паразиты»:	
Америка до Скоупса.....	451
«На скамье подсудимых — цивилизация»:	
путь к Дейтону	457
«Это битва между религией и наукой»: суд	463
Между наукой и брайанизмом: последствия	470

Глава 15. Запутанность и неясность	477
«Чисто научный вопрос»: новая физика	477
«Жутковатое действие на расстоянии»:	
о том, как не разрушить все здание	480
«Сознательный и мудрый разум»:	
Эйнштейн и его друзья	486
«Следовательно, существует Творец»: новое начало	495
Глава 16. Инфантильные иллюзии	501
«Естественная история религии»:	
примитивная религия	501
«Воистину общественное мнение»:	
инфантильная религия	510
«Как вера, суеверие умрет»: переоценка религии	515
Глава 17. Покорение небес	525
«Я тебе нимб, а ты мне шлем»: религиозная наука	525
«Народ воспринимает их не просто	
как выдающихся людей, но как существ	
иного порядка»: научная религия	536
Глава 18. Непреодолимая сложность	547
«Поскребите альтруиста»: разрешение загадки	
человеческой природы	547
«Поразительная бессмысленность»:	
антиэволюционизм 2.0	554
«Насыщенный религиозной метафорикой»:	
непреодолимая сложность	562
Глава 19. Искусственные страхи	571
«Его мозг воспламенился»: аномальная активность	571
«Люди — всего лишь инструменты»:	
ИИпокалипсис сегодня	582
«Мы не намерены непочтительно	
узурпировать его власть»: пройти тест	592
Примечания	597
Благодарности	629

Опасно показывать человеку бездну его ничтожества, не показывая ему в то же время величия его достоинства. Опасно также открывать ему его величие, не указывая на его низость. Но еще опаснее оставлять его в неведении о том и другом.

ПАСКАЛЬ. Мысли

ВВЕДЕНИЕ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗВЕРЯ

ЧТО СКРЫВАЕТСЯ ЗА ИСТОРИЯМИ

Три жаркие дискуссии. Три блестящие реплики.

Рим, 22 июня 1633 г. 69-летнего мужчину принуждают опуститься на колени перед собранием религиозных судей. После многомесячных допросов он выглядит измученным и сломленным. В одной руке он держит зажженную свечу, а в другой — тщательно выверенный текст. В нем — опровержение труда всей его жизни. Он обязан «отречься» от научной теории, распространению которой посвятил 30 лет и в истинности которой был убежден, и предать ее «презрению и проклятию». Отказ подчиниться приведет к тому, что его будут пытаться. Он нехотя зачитывает полный текст, с трудом поднимается с колен и еле слышно бормочет: «*Errur si muove*». «И все-таки она вертится».

Оксфорд, 30 июня 1860 г. Почти 800 человек теснятся во вместительной, но душной аудитории. После утомительной лекции они с нетерпением ждут увлекательной дискуссии между двумя выдающимися учеными, посвященной актуальной

научной теории. Их ожидания оправдаются. После вступительного слова один из выступающих, представитель официальной церкви, язвительно спрашивает оппонента, предпочел бы он иметь предков-обезьян со стороны бабки или со стороны деда. Тот же, пламенный ученый, несколько не смущенный покровительственным тоном клирика, шепотом обращается к другу: «Господь предал его в руки мои» — и затем отвечает, что предпочел бы вести свой род скорее от обезьяны, чем от епископа. Одна часть толпы в ярости, другая ликует. Какая-то дама падает в обморок.

Дейтон, штат Теннесси, 20 июля 1925 г. Перед зданием суда собралось около 3000 человек. Вся страна следит за процессом по радио, миллионы прочтут о его ходе в завтрашних газетах. Все наблюдают за интеллектуальной игрой в кошки-мышки, которая разворачивается на временном помосте, построенном на лужайке перед судом. Один из оппонентов, 65-летний знаменитый на всю страну политик, отвечает на вопросы о Библии. Точнее, он пытается. Второй, 68-летний известный адвокат, кажется, вот-вот достигнет добычу. «Вы верите в правдивость истории о Ноевом ковчеге?» — «Да, сэр». — «Когда же был Потоп?» — «Я не решусь назвать точную дату». — «Около 4004 года до нашей эры?» — «Так все думают». — «Разве вы этого не знаете?» — «Я никогда не пытался ее вычислить». — «Но как вы думаете?» — «Я не думаю о вещах, о которых не думаю». И убийственный выпад: «А думаете ли вы о вещах, о которых думаете?» Все собравшиеся, вся страна взрывается от хохота, а политик на помосте плавится от жары и унижения.

Суд над Галилеем, дебаты Гексли и Уилберфорса и «обезьяний» процесс Скоупса уже давно превратились в мифы, став знаковыми примерами в нескончаемой войне религии против науки. Вначале религия победила, но лишь принудив величайшего ученого эпохи отрицать истину о том, что Земля

вращается вокруг Солнца; отсюда и знаменитая финальная реплика Галилея. Почти 250 лет спустя религия, более не способная угрожать пытками, прибегает к осмеянию, но встречает достойного противника в лице биолога Томаса Гексли, который с блеском защищает новую теорию эволюции Дарвина перед невежественным и надменным епископом Сэмюэлем Уилберфорсом. И наконец, на американском Юге, уже явно занимая оборонительную позицию, религия подвергается публичному унижению на глазах огромной аудитории и ретируется, израненная и покрытая синяками, хотя и клянется отомстить. На подобных фактах и основывается популярное представление о враждебности и конфликте, очевидном торжестве и унижительном поражении.

Увы, как слишком часто случается в истории, истина гораздо сложнее и противоречивее, чем мифы. Ни отдельные споры, ни рожденный в них центральный нарратив не сводятся к идеям, которые закрепились в общественном сознании. Как мы увидим дальше, вернувшись к этим жарким дискуссиям в частях II, III и IV нашей книги, причины их возникновения и события, которые к ним привели, не имеют практически ничего общего с их мифологическим объяснением.

Галилей не произносил фразы: «И все-таки она вертится». Гексли не говорил (дословно), будто скорее предпочел бы вести свой род от обезьяны, чем от епископа. И хотя Дарроу действительно спросил Брайана, думает ли тот о вещах, о которых думает, процесс Скоупса затрагивал не только тему эволюции. Иными словами, в истории о каждой из этих знаменитых баталий скрываются внутренние аспекты. Единая стройная интерпретация, которую нам внушали, при близком рассмотрении представляет собой хаотичное переплетение взаимосвязанных баск. Не существует никакой единой и уже тем более единственной «истории науки и религии».

СОЗДАНИЕ И РАЗВЕНЧАНИЕ МИФА

Единая история возникла у нас главным образом благодаря интеллектуальному климату конца XIX в., а особенно благодаря человеку, ответом на чью публичную лекцию была, предположительно, полемика Уилберфорса и Гексли.

Джон Уильям Дрейпер, выдающийся американский химик, считал себя также историком-интеллектуалом. Он родился в семье новообращенного методиста и в двадцатилетнем возрасте покинул Британию, оставшись верным взглядам своего отца на католицизм. Достигнув успеха на научном поприще, он обратился к писательству. Его книга «История конфликта между религией и наукой», вышедшая в 1874 г., упрощенно описывает развитие двух по умолчанию четко определенных и самоочевидных систем как жесточайшее противостояние. Фактически Дрейпер сосредотачивает внимание на католической церкви — его критика почти не затрагивает протестантизм, православие и ислам, — что нашло мощный отклик у его многочисленной протестантской аудитории, большая часть которой была обеспокоена авторитарностью Ватикана. Книга Дрейпера, вкупе с другим солидным полемическим трудом авторства Эндрю Диксона Уайта и безграничной энергией издателя Эдварда Юманса, позволила донести сагу о войне между наукой и религией до беспрецедентно широкой аудитории и внедрить этот нарратив в беспокойные умы протестантов.

Теоретическое изучение истории науки в то время находилось еще в зачаточном состоянии, и лишь ученые следующих поколений обратились к «истории конфликта», о котором писали Дрейпер и Уайт. В важной монографии молодого социолога Роберта Мёртона, вышедшей в 1938 г., утверждалось, что пуританство внесло неоспоримо важный вклад в рождение современной науки, но обсуждение этой темы развернется

в полную силу лишь спустя полвека. С конца 1980-х гг. все больше историков (и социологов)¹ оспаривают постулат о том, что существует единственная общепринятая модель долгой истории науки и религии, не говоря уже о жестоком противостоянии между ними. Реальность оказалась куда более запутанной и интересной.

Отчасти это произошло благодаря ежедневному и успешному развитию исследовательской работы. Отчасти — благодаря тому, что историки вышли за пределы прежде неоспоримых тезисов. Но отчасти и благодаря новейшим открытиям, ряд которых оказался воистину революционным². В 2018 г. Сальваторе Ричано, аспирант Бергамского университета, изучавший архивы Королевского общества, обнаружил оригинал крайне важного, но, очевидно, утерянного письма, которое Галилей написал во время первого столкновения с папским престолом в 1615–1616 гг., но позже изъясил и отредактировал.

Приблизительно в то же время один дотошный американский исследователь нашел ранее неизвестное и чрезвычайно подробное изложение дискуссии между Гексли и Уилберфорсом, напечатанное в *Oxford Chronicle and Berks and Bucks Gazette*. До этого момента о знаменитом споре было известно лишь из кратких отзывов в прессе и упоминаний в письмах, так что, в сущности, никто не знал, какие именно слова говорили друг другу оппоненты и какова была реакция публики. Новый источник наконец избавил нас от неопределенности.

Подобные научные исследования и недавние открытия поставили под сомнение множество мифов, которые прежде воспринимались как реальные факты. Например, наука в христианском мире была гораздо многограннее, чем казалось большинству, и термин «средневековая наука» вовсе не содержит противоречий³. Николай Коперник и помыслить не мог, что его учение является угрозой религии. Самые высокопоставленные

церковные иерархи изначально не имели ничего против гелиоцентризма. Почти никто не считал, что отказ Коперника от геоцентрической системы мира унижает человека или лишает его достоинства, как позднее заявлял Фрейд. Джордано Бруно стал мучеником не из-за своих научных изысканий. Да и процесс Галилея был больше связан с Аристотелем, угрозой протестантизма и испорченными отношениями с папой Урбаном, а не с гелиоцентризмом. Католическая наука продолжила существовать после Галилея. Ранние научные сообщества, такие как Лондонское королевское общество, не были антирелигиозными. Ньютон написал гораздо больше теологических трудов, чем научных, и считал их более важными, при этом наука для него не отрицала Бога во Вселенной (в этом аспекте он был не вполне ньютонианцем). Эпоха Просвещения — по крайней мере за пределами Франции — была периодом наивысшей гармонии между наукой и религией. Значительная часть ранних изысканий в области геологии осуществлялась служителями церкви, большинство из которых умудрялись без особых душевных мук примирять вновь полученные знания об истории Земли с верой. Дарвин утратил веру не благодаря теории эволюции — по крайней мере не исключительно по этой причине — и до конца жизни отрицал, что эволюция несовместима с теизмом. Дискуссия Гексли и Уилберфорса была не о противостоянии науки и религии или даже конкретнее — не о противостоянии эволюции и акта творения. Процесс над Скоупсом касался в той же мере евгеники, что и эволюции. И так далее и тому подобное. Факты о науке, известные каждому, оказались вовсе не фактами.

Развенчание мифов — полезное, а порой и увлекательное занятие, однако все равно способно закрепить в сознании негативные впечатления. Религия влияла на науку вовсе не столь разрушительно, как нас убеждали. Аллилуйя! Возрадуйтесь!

На самом деле на протяжении большей части истории религия не только не находилась «в состоянии войны» с наукой, но и активно ее поддерживала и старалась легитимизировать, сохранять, стимулировать и развивать научные идеи и разработки.

И еще несколько примеров. «Золотой век» исламской науки между VIII и XII вв. действительно существовал, и, хотя некоторые исследователи продолжают утверждать, что мусульмане перенимали достижения греческой мысли, неоспорим тот факт, что исламские ученые внесли собственный значительный вклад в классическое наследие.

Несколько веков спустя, во время первого великого научного расцвета в средневековой Европе, еще до всплеска аристотелианизма в XIII в., возникла небольшая группа ученых-христиан, называвших себя *физиками* и развивавших концепцию природы как рационально устроенной, устойчивой, количественно измеримой, постижимой и поддающейся анализу при помощи скептицизма и методологического натурализма системы.

Древняя метафора двух книг Бога — Писания и природы; Его Слова и Его Деяний — создала убедительный аргумент в пользу изучения последней. «Наука» была одобрена теологами и даже стала теологически предписанной деятельностью.

Развитие экспериментального метода в начале XVII в., в частности вклад Фрэнсиса Бэкона в ранний этап науки, было тесно связано с протестантским пониманием грехопадения человечества, согласно которому наряду с нравственными и духовными был нанесен ущерб и когнитивным способностям человека. В результате чего от него не ожидалось, что он найдет путь к истине с помощью мышления, но будет вынужден искать на ощупь, пробовать, переживать на опыте и экспериментировать, чтобы найти таковой.

В ранние годы «современной», привычной для нас науки, когда она обещала столь много, а достигла столь малого, люди жили под защитой теологии.

Существует масса других примеров, рассыпанных по нашей книге, но приведенные пять доказывают, что религия, особенно в эпоху становления науки, выполняла роль ее акушерки. Долгое время отношения между наукой и религией не только не представляли собой безжалостное противостояние, но также отличались взаимовыгодным сотрудничеством.

Да, долгое время, но, следует уточнить, так было не всегда. Не стоит опровергать один упрощенный и недоказуемый нарратив — о постоянном противостоянии, — только чтобы заменить его другим, столь же упрощенным и недоказуемым, — о постоянном согласии.

Итак, последний ряд примеров. Исламская наука после XIII в. действительно постепенно угасала, и произошло это частично по теологическим причинам. Церковь запретила учение Аристотеля в Париже в 1277 г., так как оно было сочтено угрозой теологии. В XVI в. протестанты буквально сопоставили книгу Иисуса Навина с теорией гелиоцентризма Коперника и нашли последнюю несостоятельной. Католическая церковь и впрямь угрожала Галилею пытками, запрещала его книги и не допускала идеи гелиоцентризма на протяжении двух веков. В частности, во Франции церковь старалась всячески подавлять развитие биологии, опасаясь, что ученые подорвут постулат о божественном происхождении жизни. В XIX в. многие считали геологию занятием, противоречащим Библии. Дарвина многократно подвергали нападкам его христианские оппоненты, включая служителей церкви. Дебаты Гексли–Уилберфорса и процесс Скоупса не только касались теории эволюции, но и были вызваны ею. И по сей день миллионы протестантов отрицают дарвинизм, как и все больше

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru